

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ЛАГЕРЬ,
КОТОРЫЙ
УБИВАЕТ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25   Лагерь, который убивает / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-248613-5

В подмосковном пионерском лагере разразилась эпидемия неизвестной ранее болезни. Одновременно начались странные происшествия, свидетелем которых стал Колька Пожарский, принятый в оперативную группу милиции в качестве помощника. Сначала на его глазах неожиданно умирает новый начальник лагеря Аркадий Манцев. Спустя несколько дней погибает физрук и по совместительству лагерьный сторож. Оказавшись ночью в медпункте, Пожарский лицом к лицу сталкивается с вооруженным человеком, который парализует его отравляющим веществом. Теряя сознание, Колька понимает, что это тот самый нелюдь, который терроризирует персонал и который не остановится ни перед чем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248613-5   © Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Лето. Вторая половина замечательно жаркого, сонного дня. Кошачья братия деловито шныряет между сараями. На стене дома снова расцвело: «С + А = !!!». Тетка Анна Приходько, ругаясь, плевалась и стирала, буквы плыли, но держались стойко. Солнце, сбавив зной, неторопливо собиралось в закат. Свет, заливавший двор, стлался, золотистый, медовый и ленивый. Наползала потихоньку свежесть от листвы тополей и лип.

Пахло нагретшейся за день пылью, цветущим белым шиповником. И грибами. Множеством проклятых грибов!

Ольга, Светка и Настя, оккупировав удобную лавочку у стола, чистили от хвои и земли тонны рыжиков, подберезовиков, сыроежек, подосиновиков, наполняя тазы, которые им же и приходилось таскать на кухню. Как много было этих грибов — жуть брала. Колька Пожарский сгоряча проявил солидарность и даже почистил с десяток, но позорно свалил под смешным предлогом. Правда, для порядка спросил, справятся ли без него.

Ольга, сдув со лба мокрую челку, фыркнула:

— Иди уж, незаменимый!

Свалил. Почистили еще немного. Гладкова вытерла тылом ладони трудовой пот:

— Светка, вас в лес пускать нельзя. Другим что-то оставили?

Вежливая Настя восхитилась:

— Ловко у вас получилось. Я по грибы не хожу, все равно ничего не найду.

Светка призналась:

— Я тоже не очень, если только споткнусь о него. Мама говорит: мечтательность на меня нападает.

— Кто ж это все наташил? — удивилась Оля.

— А вот Яшка, — просветила Приходько, — он прям герой. Сначала такой: не пойду, ну на фиг, отвали, а как вытащила — его как прорвало. То есть нет. Они сами на него лезут, а он и гребет обеими руками.

— Везет, — сказала Настя и замолчала, вернулась к труду.

Светка напомнила:

— Оля, так что там дальше-то?

— Ах да. — И Гладкова продолжила пересказывать намеренно виденную пьесу.

Подшефные прислали маме билеты, она, как всегда, занята, и на культуру бросили Кольку. Он, само собой, поартачился, но с Ольгой в культурном

смысле не поспоришь. У нее был один, но железный довод:

— Малый театр.

И точка. Под этим соусом заставила выскоблаться до гладкой шкуры, самолично отгладила ему брюки и рубашку. Кольке доверила лишь ботинки начистить и напутствовала: чтобы сияли. Колька, плюнув, поручил это дело Цукеру. Рома не подвел — от блеска глаза резало, прохожие оборачивались, театралы любовались, отвлекаясь от того, что там представляли на сцене.

Исключительно хорошо Оля рассказывала, прям театр у микрофона.

— ...и вот он такой стоит на скале, весь в бинтах, а вокруг бушует шторм, — радиовещала она, откладывая в сторону чистенький, крепенький подосиновик, — и командир говорит: «Молодой человек, вы ранены, вам нужна срочная операция!» А он в ответ: «Товарищ майор, пока я вижу хоть один огонек на том берегу, я не имею права уйти с поста!»

Настя слушала, с вежливым видом кивала и продолжала работу. Светка же уши развесила так, что они мешали рукам: те шевелились все медленнее, медленнее, потом совсем опустились. Ольга знала, к чему это вот горестное взирание на ведро с грибами, и напомнила:

— Ты чисти, чисти.

Не на пользу все эти постоянные Анчуткины командировки. Мерк в разлуке светлый образ, колебался пьедестал, а Яшка даже не догадывался. Приезжал веселый, тормозил, таскал по кино, на танцы, кормил мороженым и конфетами — и даже не обращал внимания на то, что Светка обфыркивает каждый его шаг.

Яшка-то не замечал, чуткая Оля — очень даже. Хотя это не скроешь. Вот, снова эта дуреха встряхнула пустой головой так, что треснулись друг о дружку две одинокие мысли:

— Бывают же люди, настоящие! Не то что некоторые.

— Ты кого имеешь в виду? — колко спросила Ольга.

Светка бесчеловечно сшибла грибу шляпу:

— Кого-кого, не то не знаешь.

— Так кого?

— Анчутку хотя бы.

Настя удивилась, голову подняла, но ничего не сказала. Ольге экивоки ни к чему, она нагрубила:

— Черт-те что городишь.

— Ничего не черт...

Гладкова на правах старшей оборвала:

— Яшка тебе неровня, героя подавай? Сама-то много подвигов на совершала?

Светкины щеки раскалились, но губы надулись и затряслись. Ольга застыдилась грубости, помягче добавила:

— Светик, героическое — это ж не только кино да тельник на груди рвать. Рядом с нами есть надежные, по-своему героические люди.

Светка, набычившись, спросила:

— Это чем же?

Вообще-то Анчутка и Светку не раз выручал, и благодаря ему Ольга, например, чистила грибы, а не плыла в дохлом виде в рыбьем брюхе. Но сотрясать по этому поводу воздух глупо. Если совесть у Приходько осталась, то сама вспомнит и застыдится. Что до Ольгиного спасения, то если Яшка сам не рассказал, то и не надо. Гладкова педагогически применила округлые формулировки:

— Ну вот, тебя за грибами тетка Анна послала, а Яшка не хотел, да пошел.

— Тоже мне, героизм — оторваться от койки!

Настя со своим тихим плюшевым голоском пришла на выручку:

— Но Яша же после командировки.

— Тоже мне! Туда-сюда сгонять в свое удовольствие!

Но Иванова настаивала:

— Это трудно: заниматься чужими детьми, к тому ж непростыми...

— Да я всю жизнь этим занимаюсь! — закусилась-завралась Светка. Где она тут непростых видела, кроме одной-единственной Соньки? Но Оля не стала ее ловить на враках, а просто похвалила:

— Ты наша надежда и единственная опора. Продолжай героически сражаться с грибами.

Светка снова принялась за дело, но ворчать продолжала:

— Вот-вот, мы тут героически сражайся, а они пусть героически отдыхают. Ой, черт!

Оля вздрогнула. Светка, обычно все-таки спокойная, отбросила нож, нервно задержалась, сворачивалась в штопор, крючилась и пыталась достать через плечо поясницу. Настя заметила:

— Сильно тебя перекосило. Что-то случилось?

Светка продолжала клубиться, плаксиво кланчилась:

— Ну девчонки, ну гляньте, что там?

Настя, оттянув ситчик от тощей подружкиной шеи, заглянула за шиворот:

— Там ничего нового.

Оля поинтересовалась:

— А кто там быть должен?

Светка все мялась:

— Да такая мерзота! Переделась, а все равно мерещится!

— Кто мерещится?

— Клещи! — Приходько передернуло. — Бр-р-р-р, боюсь до чертиков!

— А чего их бояться? — спросила Настя. — Страхни — и готово дело.

— Ну как цапнет? Мама рассказывала... — Тут Светка осеклась, покосилась на Ольгу, та сделала вид, что ничего не слышит.

Тогда Приходько продолжила, для пущего страху понизив голос:

— Они ж повсюду! Притаятся себе на деревьях и сигают за шкирку, как с парашютом. Мама говорит, что японцы их специально забрасывают к нам, под Москву.

Настя спросила:

— Зачем?

— Ну а как же! Укусит такой мальчика или девочку — и все! Нет человека. А если есть, то инвалид. Или еще...

Оля уточнила:

— То есть это не все еще?

Светка хоть и робела, но заявила твердо:

— Нет! И правда в том, что такие укусы... а они как метка, понимаете?

Гладкова сказала, как бы в сторону:

— Место для посадки.

Светка упрямо продолжила, хотя была уже как свекла:

— И бывает после этих укусов — не сразу, а через какое-то время... Болезнь вроде как отступает, и человек вроде бы здоров. А потом ка-а-а-ак придет ночью!

Ольга поперхнулась:

— Кто придет? Михалыч из жэка, ставить на разгрузку уголочка?

Светка вспылила:

— Смейся! Ни слова больше не скажу!

Ольга, отсмеявшись и оттерев слезы, отыскала в траве гриб:

— Тьфу. Кажется крепеньким-красивым, а во какая червоточина! — И лишь после этого подбодрила приятельницу: — Да ладно тебе, все равно не смолчишь. Выкладывай.

Приходько подулась, подулась, но от характера никуда не денешься. Светку хлебом не корми, дай что-нибудь эдакое поведать.

— А вот приходит!

— Ну кто, кто? — подначила Ольга.

— А вот не знаю, но наутро раз — и лежит себе, язык набок и без дыхания. И накрыт. — И Светка после драматической паузы добавила: — Черной простыней!

— То есть просто бац — и не дышит, — уточнила Гладкова, — неплохо. Тебе срочно в союз писателей надо.

Приходько крикнула:

— Да вон, сходи в больницу, глянь — палат уж не хватает, покусанные в коридорах лежат!

— Успокойся, — посоветовала Оля, — и насчет японских клещей передай, пожалуйста, тетке Анне, чтобы несильно трепыхалась. Иксодовым клещам условия нужны. Если японский клещ, то

и живет он себе там, в тайге, а не в баночке диверсанта.

— Откуда ты знаешь? — с вызовом спросила Светка.

— Из биологии. В наших широтах такого не бывает.

Иванова, кивая, спросила:

— Светик, если ты так боишься, зачем в лес ходить?

— А мама Аня как же? И грибы себя сами в корзинку не положат.

Тут появился названный негероический Яшка — вылез из цукеровского подвала, сияя штиблетами. Такой разодетый, причесанный и пахнущий безгрешным шипром:

— Приве-е-ет! А чего это мы все еще не готовы?

Светка огрызнулась:

— Так ты натаскал пол-леса, а чистим только мы, ага?

Опытный Анчутка на задиристый тон и не чихнул, а просто, вздернув руку, глянул на часы:

— Четверть часа на переодевание. Надо поспеть на электричку.

Но сварливая Приходько не унималась:

— Что за новости?

Яшка возмутился:

— Голова садовая, я ж билеты в «Форум» взял! Ты ж ныла.

— На что?!

— Да героическое, на «Дочерей Китая»! Там девчата жару япошкам задали... Пардон, — он крайне интеллигентно извлек у нее из руки ножик, ловко кинул, воткнув в землю, — Оля, забираю у вас эту вот.

Светка попыталась возмутиться:

— Я тебе не эта вот!..

Тут Анчутка по-свойски, как куклу, ловко развернул ее к себе тылом, приказал:

— Замри. — И, продолжая крепко ее удерживать, чуть ли не по плечо влез к ней за шкурку и извлек что-то в щепоти.

— Клещ! — взвизгнула Светка.

— Ты глянь, зараза какая, жирный, и почти вцепился. — Анчутка казнил зверя путем сжигания.

Ольга, собирая губы в гузку, чтобы не расхохотаться, заметила Светке:

— Во, цени! Жизнь тебе спас. А то забралась бы тебе под кровать бездонная утка — и все, наутро от Светки — только круги по воде.

Яшка ничего не понял, но посмеялся, напомнил:

— Время, время! Электричка же. — И погнал сконфуженную Светку переодеваться.

По дороге она ужасно возмущалась:

— Как так можно себя вести! Да еще при всех.

— При всех я себя так и не веду. А вот кое-кто при всех ужасно выпендривается. Дальше будешь ваньку валять — опоздаем к свиньям... Оп-па.

Последнее замечание было в связи с тем, что в подъезд Светкиного дома перлась незапланированная тетка Анна, что означало лишь ненужные встречи, крики и пустую трату времени. Которого, между прочим, и без того было мало!

Яшка запихал Светку в подъезд, та пошла менять одно платье на «то, другое» (и какая разница? Оба штопаные). Она вновь возникла, вся сияющая, пахнущая земляничным мылом, с втянутыми щеками, Яшка сначала залюбовался, но глянул на часы, охнул:

— Ну все. Поезд уходит! — Ухватил за руку и потащил за собой. Осталось только за ним развеяться флагом.

Мчались они на всех парах — и все равно опоздали. Издалека было видно, как подвалил к платформе нужный поезд и что ждать он их не будет.

Так и вышло. Когда они, отдуваясь, заскочили на перрон, электричка уже махнула хвостом да фонариками помигала.

— Знаешь, кто ты? — начал Яшка.

Расстроенная Светка начала блеять и оправдываться, собралась разреветься — и очень кстати на этом фоне прозвучал клаксон.

Сияющая серая «Победа», выехав с «Летчика-испытателя», сделала шикарный разворот, всеми четырьмя колесами вкопалась в гравий. Выглянула из машины тетя Мура Тихонова.

Красивая, как на выставке! Платье бордо, на-
кидка на голых плечах — как всегда, на голове умо-
помрачительная шляпка, и стремится на волю из-
под вуали выдающийся ее нос. Тетя Мура мастерски
свистнула:

— Дети! Айда.

Яшка затолкал Светку на заднее сиденье, сам,
предварительно испросив позволения, уселся на пе-
реднее. Тихонова позволила:

— Сделай милость, — она повернула ключ, —
куда опаздываете?

— Я, Мария Антоновна, билеты достал в «Фо-
рум», — сообщил Анчутка. Он развалился на кресле,
будто всю жизнь только и катался на «Победах».

— Добытчик, — одобрила Мурочка, выруливая
на шоссе. — Что за картина?

— «Дочери Китая».

Тихонова снова одобрила:

— Героически. А что же опаздываете?

— А вот эта, — Яшка небрежно кивнул через
плечо, — то платочек, то косынку. Телилась, как на
бал.

Ох и хотелось Светке треснуть по этой кудрявой
голове. Что же это он возомнил о себе, нахал! Все ду-
мает, что она соплячка, что разодолжил он своим
вниманием. «Эдакий красавчик, как червончик,
всем нравится, поди ж ты!»

Однако Тихонова на этот раз не одобрила и очень
серьезно заметила:

— Яков, вы не правы. Настоящая женщина обязана долго собираться.

— Как же, а если не дождутся?

— Ну пропустите журнал, велика печаль. А другие пусть ждут. — Она чуть развернула красивую головку. — Света, слышишь? Не приучай мужчин к свинству, опаздывай минимум на час!

— Спасибо, я запомню, — чопорно отозвалась девчонка, незаметно всовывая сбитые лапки обратно в запыленные сандалии. Хотела незаметно, да Мурка эта подсказала, по-прежнему дружелюбно:

— Утомленные ноги лучше положить повыше.

Светка гордо промолчала. Анчутка, прикинув что-то в уме, откашлялся и спросил:

— Мне просто для общего развития. А если не дождутся?

Тихонова небрежно бросила:

— Куда денутся?

А все-таки замечательно было мчаться на прекрасной машине, оставляя за собой родную и надоевшую окраину. Дороги становятся все шире и оживленнее, фонари — чище и ярче. А дома — все выше, новее, красивее, как на картинках, с колоннами, вазами, мозаиками, закрытыми дворами за высоченными коваными воротами. Яшка спохватился:

— Мария Антоновна, а вам же куда?..

— Неподалеку, — успокоила она, — я в ЦДСА.

— Мероприятие у вас?

— Именно, — Тихонова глянула на золотые часики, — вас у кинотеатра выгрузить? Смотрите, еще сорок минут.

Светка вострепелась: матушки, а ведь верно, уже приехали! И еще столько времени, погулять бы — в окнах замелькали уютные аллеи, тележки с мороженым. Яшка, уловив затылком ее трепыхание, предложил:

— Мария Антоновна, вы поезжайте на Суворовскую, а мы через парк пробежимся.

— Тоже верно.

Тихонова по-хозяйски въехала в ворота, огороженные от бульвара чугунным литым забором, провела машину по двору, обсаженному густыми липами, вокруг огромной клумбы, посреди которой на столбе был чей-то бюст, причалила к прекрасному подъезду с колоннами.

Светка смотрела огромными глазами и наглядеться не могла. Это был дворец, как в кино: таинственно подсвеченные арки входов, стены цвета чистого сгустившегося неба. Снизу дворец солидный, а чем выше, тем воздушнее — и белые колонны подпирают застывшие облака из мрамора, над которыми парит еще один этаж. И все так таинственно освещают фонари под коваными зонтиками.

А что там за стенами? Тяжелые занавеси закрывают окна, но оттуда льется мягкий, неземной свет — точно там бал, как у Золушки. И уж точно там сплош-

ные настоящие люди и герои, о которых ставят пьесы и крутят кино.

— Выходишь или машину будешь охранять? — Оказалось, Яшка уже открыл ей дверь и ждет.

А к Тихоновой спешил уже незнакомый человек. Маршал, не иначе! Правда, что за форма — не разберешь, и на широкой груди ни одной награды, но видно: непростой гражданин. Лицо как с картины... нет, не картины! С вот этого столба посреди клумбы. Или точно Александр Невский из кино: высокий лоб, белый, как мраморный, и весь в резких заломах, даже складка от носа к краю рта смотрелась как прокорябанная резцом. Виски серые, но волосы темные, густые. Глаза темные тоже, острые и ужас какие внимательные. Нос не как у тети Муры, но выдающийся.

И не задавака: повернулся, поздоровался первым, протянув Яшке руку. И лишь после этого обратился к Тихоновой:

— Что же вы? Все заждались вас.

Она высокомерно соврала:

— Торопилась как могла. — И пожаловала ему руку как высочайшую награду. Он принял ее ладошку как ценность, какую долго искал, и теперь расставаться не собирался.

Правда, потом все-таки повесил эту руку на свой локоть и поволок Тихонову внутрь сияющего дворца — быстро, она лишь успела помахать на прощание.

Анчутка поторопил:

— Чего зря глазеть, насмотришься в кино. Пошли.

Светка шла по прохладной аллее, под августовскими листьями, к тому же с обычным, негероическим Яшкой. И понятия не имела о том, что из окна, светившегося неземным светом, смотрела ей вслед Мария Антоновна и завидовала. Кавалер приобнял ее за плечи, она стряхнула его руки, притворившись, что скидывает легкую шаль:

— Пойдемте, Олег Янович.

ГЛАВА 2

Расстроила Мурочку эта картинка: двое юных голдранцев, бредущих на глупую киношку. Почему — неясно. У нее самой все прекрасно! Издательство совершенно неожиданно приняло ее сборник. Именно по этому поводу заказан банкет в ЦДСА. Томно, жарко. Густая атмосфера праздника, замешенная на «Красной Москве», «Казбеке», коньяке и дичи. Насыщенно, уже не продохнуть.

— Вы довольны? — спросил кавалер. — Или пригорюнились?

Мурочка глянула на него через острое голое плечо, ничего не ответила. Олег Янович Знаменский, чего-то подполковник, поклонник, вдохновитель и вообще финансирующее лицо праздника, тотчас предложил:

— Немедленно шампанского?

Она приказала:

— Шампанского. Если есть — ледяное. Нет — заморозьте.

Он склонил голову:

— Есть. — И, проводив во главу стола, пропал и возник снова, но уже с ледяной бутылкой. Мурочка залпом употребила бокал шампанского, прислушалась к ощущениям: грусть-тоска не прошла. «Что ж, не все сразу». Да и Олег Янович не допускал сухости в бокале. Тихонова спросила:

— Напоить хотите?

— Отнюдь. Спасти от преждевременного увядания.

— Каким же образом?

— Знаете ли вы, как прекрасны розы в бокале шампанского?

— Фу, какая банальщина.

— Все радости жизни банальны.

Мурочка холодно просветила:

— Прекрасны лишь вначале. От спиртного они быстро увядают идохнут.

Он улыбнулся, произнес с ужасной, прямо-таки плотоядной нежностью:

— Злюка вы. Злюка.

Тут почему-то у Мурочки ком к горлу подкатил. Давненько с ней так не разговаривали.

Спору нет, обаятелен он, до чертиков. У него такое лицо, что на нем читаются и власть, и абсо-

лютно все регалии, которых нет на плечах, на груди. И всесилие. Похоже, он всесилен. Захотела — издали сборник, пожелала — и нате вам банкет там, куда иные генералы ступить не смеют, скажет слово — и переедет она со своей дачи на дачу куда угодно, хоть в Кунцево.

Вот как раз в дачном вопросе — его самый большой минус. Он просто помешан на том, чтобы куда-то ее сдернуть с места.

А Мурочке неохота. Ей и сейчас хотелось домой — растопить печку, натолкать дров побольше, согреть ледяные руки. Потом еще выпить... что там дома есть? Наверное, кроме коньяка — ничего. Постоять на балконе. Покурить. Поплакать, благо никто не увидит.

— Что это? Слезы?!

Господи, снова он. Как же окружает заботой, даже дышится через раз. Обволакивает вниманием, как жаркое одеяло душной ночью.

Гости эти глупые, точнее, гости смотрят, кривясь, шушукаются: цену себе набивает, вдова соломенная. И чего ей надо? Это же Знаменский, лучше его не надо — видный, щедрый, неженатый — или все-таки... Помнится, когда их познакомили, с ним была Валя Белых, давняя приятельница, актриса из Моссовета. Но с тех пор как она покатилась под горочку в запой, ее видно не было. Да и нам-то что за дело?